

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Паша работал таксистом. Правда, с кончиной советской власти таксопарк тоже приказал долго жить, и теперь, бесплатно получив в собственность пережившую два капремонта "Волгу", Павел Казановский заделался частником. Поселок курортный, летом работы много, зимой мало, в среднем получается нормально.

Извоз - дело доходное, если не лениться, а ленивым Павел никогда не был. После смерти родителей вкалывал день и ночь, трем младшим парням был и за матку, и за няньку. Не его вина, а недобрая судьба, что никого из братьев нет в живых: один утонул, купаясь в море, другой перебрал наркоты, а третьего на срочной старослужащие забили до смерти.

С тех пор Павла томила тоска по семье. Обитал он в родительской развалюхе на склоне горы, обнимавшей поселок с севера и востока. Строиться не спешил. Участок небольшой, как всюду на взморье, но за ним пустырь, ничейная земля, там огороды можно разводить бесконтрольно, а фруктовые деревья уже давно плодоносят.

Для одного себя дом возводить скучно. Жил в Павле женский образ, который неизвестно откуда взялся, но только казался очень важен. Под него никто из знакомых женщин не подходил. До встречи с Сашей. Тут он не сомневался ни минуты, после первого же свидания, поскольку девушка не возражала, повел ее в загс, о чем не пожалел - так ладно сошлись они характерами.

Саша любила посмеяться и на дискотеке потрястись, но глубоко в себе носила серьезность и обстоятельность, замешанные на недостатке материнской любви, на знании темной стороны жизни. С замужеством эти качества ярко проявились и Павлу нравились. К тому же Саша оказалась девственницей. По нынешним временам мало кто придает этому значение, однако приятно, Паша оценил, жену полюбил еще больше.

Красотой она не блистала: широкоплечая, коротконогая, скуластая, с чуть заметной примесью монгольской крови, которая почти повсюду дает себя знать на сибирских просторах. Да и зачем она, красота, у хорошей жены? С лица воду не пить. А вот работающая и домовитая - это да, этого у Саши не отнять.

Приехала из Забайкалья на кавказскую турбазу - каши поесть досыта да мир поглядеть. Понравилось теплое море, большие белые цветы на деревьях и отсутствие комарья, решила остаться, все одно никому дома не нужна. Место получила в общежитии, малярничала, потом устроилась официанткой в санаторий для столичных железнодорожников.

Эти - богатые, зарплату получают в три раза против того, что в ведомости обозначено. Из Москвы все время им деньги отпускают то на ремонт, то на расширение, то на новую мебель. Когда Саша с Пашей дом строили - где ручку дверную да горсть шурупов, где бутылку растворителя, стекло, краску, обои - все удавалось прихватить. Мебель списанная, однако еще крепкая, зеркала - за копейки достались. Подруга-кастелянша, с красивым именем Вероника, простынями, полотенцами, одеялами снабдила, да не старыми - те отдыхающим оставляли, а себе новое брали.

Продукты директор, секретарша, сестра-хозяйка, завстоловой, шеф-повар ежедневно сумками уносили, но и другим работникам, чтоб не завидовали да не трепались, раз в неделю выдавали банку сметаны, кило мяса, колбасы, масла. А уж что со столов останется - сверх того.

Столики в санатории на четверых. Утром официантки раскладывали в своей зоне обслуживания на тарелочках сыр, колбасу, масло - по числу едоков. Некоторые, особо зажавшиеся, кое-что оставляли, а масло подтаивало от жары, прилипало к посуде, после завтрака Паша его соскребала - пластмассовый стаканчик за день набирался. Дома масло перетапливалось, вот и запас на зиму.

Много разных способов придумано, как ловчее и незаметнее у отдыхающих урвать. К примеру, вечерний кефир наливали в стаканы лишь на две трети, булочки при выпечке смазывали не яйцами, а молоком, и теста клали чуток меньше нормы, кружки колбасы нарезали потоньше.

Остатки первых блюд шли в помои, а вот вторые - надо уметь разносить. Если кто на обед или ужин не являлся (а многие в ресторанах любили пошиковать, на экскурсии ездили), Саша все равно на кухне заказ делала, на пустой столик порции ставила, иначе кухонным рабочим достанутся. Когда время обеденное кончалось, Саша скидывала невостребованное в специальный пластмассовый контейнер, который возила с собой на раздаточной тележке. А уж объедков подвинку носила не меряно. Лучше бы, конечно, держать хрюшку, у нее от сала при жаренье говном не несет, зато хряк быстрее вес набирает.

Оставшийся сахар не ленилась по три раза на день вытряхивать, а сахарницы заново наполнять. Понемногу да понемногу - мешок за лето выйдет, значит и варенье получится дармовое: фруктов, овощей своих - девать некуда, только банки давай. Банок на санаторной кухне накапливалось порядком: соки там, огурцы маринованные открывают, а тара-то неучтенная. Кто банки в пункт приема таскал, на копейки менял, а Саша - домой, поэтому у нее вареньями, соленьями весь подпол забит. Зимой - компот на завтрак, компот на ужин - красота!

Работницы пищеблока Сашу недолюбливали. Обычная зависть к тем, кто способен своим трудом да смекалкой устраиваться в жизни. Только товарки подумают, где что можно прихватить или по дешевке приобрести, а Саша уже и там поспела. "Раззявы!" - с чувством превосходства говорила она Павлу.

Сытно жить - надо уметь. Саша умела. Паша нахвалиться не мог, какая у него жена хозяйственная.

Дом Паша поднял быстро, всего за два года. Тут что важно - машина, руки и желание. Без машины втридорога бы обошлось. А так - доставка своя, бензин тоже всегда найдется, где за полцены залить. Когда много ездишь, много чего имеешь: то просто валяется без присмотра, то сторож по пьянке спит. Не все подчистую Паша тащил, а понемногу, оно и незаметней, и справедливей. У кого плохо лежит - тот не хозяин, такому сколько не дай, толку не будет. У кого с избытком, пусть поделится, тем более, если государство: оно ему много чего за всю жизнь должно осталось. Одной зарплатой, если б платили честно, на три дома хватило бы.

Кирпич для фундамента, считай, даром достался, шифер наполовину тоже. Шлакоблоки, как и доски для пола, пришлось купить. Клал стены, конечно, сам, тут хитрость невелика. Штукатурила, красила Саша, крышу Колян, приятель школьный, ставить помогал. Рамы - те да, из сухой древесины профессионал на станке строгать должен, потому в копеечку влетели.

Но в общем, обошелся дом на удивление дешево, а хорош - загляденье, потому что для себя строил, от души. Спереди под крышей - мансарда, откуда видать сверкучую полоску моря. Красиво очень. Так что участок на горе имел еще и это преимущество, кроме ничейной земли на задах.

Комната для детей - самая большая и светлая, веранда к ней за стеклом - в плохую погоду всем детям играть места хватит, сколько ни народится. Вторая веранда,

открытая, с другой стороны. Для себя - зала, спальня, еще комната на всякий случай. Зимняя кухня в доме - крошечная, долго ли она нужна на юге, зато летняя на улице, под волнистым пластиком на резных столбах, просторная сверх меры: газовая плита, раковина с краном, посудный шкаф. Стол обеденный самоструганный, на двенадцать человек, с петельными боковинами на праздничный случай, лавки широкие, крытые лаком.

Сбоку дома отдельный вход в отдельную комнатушку - летом сдавать отдыхающим "дикарям". С двух коек навар невелик, однако и пренебрегать не годится, иные обитатели курорта только с того и живут. Тем более что стирка белья от Саши ни усилий, ни расходов не требовала: в своей сетке в санаторную прачечную сдала, тем же путем от Вероники и получила.

Вкруговую, до самого второго этажа нового дома, виноградная беседка - и тень, и красота, и польза одновременно. Черенки - чауш, кишмиш без косточек, дамский пальчик и любимую Сашину изабеллу с клоповным запахом - Паша посадил сразу, как только строиться начали. Через два года уже гроздья висели такие, что ветки гнулись. На задах дома, под защитой виноградной лозы, Паша соорудил широкий деревянный топчан, чтобы летом спать на свежем воздухе и заниматься с женой любовью под сладострастное пение цикад. Услышав их впервые, Саша восхитилась: ишь, как кузнечики чирикают! А увидев этих диковинных серо-желтых мух, страшно разочаровалась. Паша насмеялся от души.

Как-то ночью лежали они, потные после любовной работы, тело приятно обвеивал теплый ветерок, сквозь кружево листьев проглядывали крупные южные звезды, в отсутствие луны они блестели особенно ярко, подмигивали, словно шалуны за спиной медлительной няньки. Расслабился Паша, почувствовал блаженство, и пришло ему в голову, что есть нечто странное в его счастье. Оно такое прочное, и его так много. За что? Почему именно ему? Вон Колян со своей половиной каждый день собачится, отец после смерти мамы дважды жен менял, а у них с Сашей прямо рай на земле.

- Слушай, Сашок, ты о рае что думаешь?

Та воображением не отличалась:

- Ничего.

- А все же?

- Ну, красиво там.

- Значит, у нас тут, как в раю, верно, Сашок?

- Верно.

- Ты Бога признаешь?

- Нет. А ты?

- И я нет. А детки народятся, покрестим.

- Ладно.

- Как же я тебя люблю, Сашок!

- А я тебя.

Паша, и правда, сильно любил жену, уже и не представлял, как раньше обходился без нее. Некоторое беспокойство вызывало отсутствие детей. Пока дом не подвели под крышу, Павел этому даже радовался, боялся подмоги лишиться. Но вот и отштукатурились, и малярку закончили, а Саша все не беременеет.

Паша еще подождал, наконец не выдержал:

- Пойди к врачу. Третий год живем, пора уж... Если нужно лечиться, денег не жалея.

Саша пошла, хотя оттягивала, как умела. Страшно было не одно то, что Паша может разлюбить, она сама бездетной жизни не представляла. За какие грехи?

Месяц ходила из кабинета в кабинет по специалистам, сдавала анализы, наконец